

КОЛОСЬЯ

ЕЖЕНЕДІЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ-
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА-
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА Б. 1918

ОДЕРЖАНІЄ:

Надъ вырытой могилой — К. О. Н. Два футуриста — Валентинъ Рожницъ.
Воспоминанія — Феликсъ Конъ. Россія въ охраннымъ отдѣленіи. Біографическія
справки о предсѣдателѣ Исп. Ком. Сов. Р. и С. Д. Н. Чхеидзе и предсѣдателѣ
Временн. Совѣта Росс. Респ. Н. Авксентьевѣ. — Великое отрицаніе — Ю. Омичъ.
Стихи: Георгій Шенгели, изъ Г. Гейне — перев. В. Житомирскій, Дэвайонъ.
Иллюстраціи — фотографіи изъ охраннымъ отдѣленія Н. Чхеидзе и Н. Авксентьева, шаржи на Рожницъ
и Ингридъ, портреты артистовъ Гор. театра, рисунки, заставки, концовки и виньетки. Художники — Эдуардъ
Штейнбергъ, Козловъ, Маркинъ и др...

№ 5.

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ (Союзбанкъ).

г. Харьковъ, Николаевская площ., № 9 (противъ Биржи) тел. 44-07.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ

(вклады, текущіе счета, переводы, аккредитивы, инкассо).

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ %	{ }	на 1 годъ	5 ¹ / ₄ %
б) По вкладамъ: до востребованія	5%		" 2 года	5 ¹ / ₂ %
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5%		свыше 2 лѣтъ по соглашенію.	

Въ цѣляхъ предоставленія публикѣ удобствъ Союзомъ

ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНІЕ:

уг. Николаевской площ. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНІЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗЪ“ ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ. ТРУДЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вышли изъ печати: „Короткий нарис Украинської мови“, О. Сенявскій. А. П. Марковъ—„Мѣстные финансы“.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Культурно-историческая библіотека

подъ ред. проф. Д. И. БАГАЛІЯ.

Проф. Д. И. Багалій—„Історія Слободської України“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Історично-етнографичний побутъ Слободської України“.

Таранушенко—„Мистецтво у Слободській Україні“.

А. С. Федоровскій—„Смѣны культуръ на території Слободской Украины въ доисторическую эпоху“.

Айзеншток—„Українське відродженне у Харкові в 20—40 роках XIX ст.“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Розвій Української літературної мови“.

Проф. Д. И. Багалій—„Заселення південної України (Новоросійського краю).“

Проф. Д. И. Багалій—„Український філософ Г. С. Сковорода“.

О. Д. Татаринова—„Вас. Наз. Каразинъ“.

Н. Д. Ладыженская—„Просвѣтителъная дѣятельность Харьковскаго Университета“.

Е. М. Ивановъ—„Е. С. Гордѣнко“.

М. А. Плевако—„Слобожанські письменники—Гулак-Артемовський, Квітка і інші“.

Естественно-историческая библіотека

подъ ред. проф. В. И. ТЯЛІЕВА.

„Растительный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—проф. В. И. Тяліева.

„Птицы—друзья человека“—Г. А. Брызгаліна.
„Ископаемая богатства Украины“—прив.-доц. А. С. Федоровскаго.

„Природа и населеніе Слободской Украины (Харьков. губ.)“, пособие по родиновѣдѣнію. Въ составленіи принимаютъ участіе: прив.-доц. А. С. Федоровскій, Д. К. Педаевъ, В. Г. Аверинъ, проф. В. И. Тяліевъ и др.

„Животный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—ч. I. Позвоночныя. ч. II. Безпозвоночныя. Принимаютъ участіе проф. А. И. Никольскій, В. Г. Аверинъ, проф. П. П. Сумскихъ и др.

Намѣненъ рядъ темъ по разнообразнымъ вопросамъ естествознанія для популяризації въ широкихъ массахъ населенія.

Соціально-экономическая библіотека

подъ ред. доц. І. А. ТРАХТЕНБЕРГА.

М. Н. Соболевъ—„Кредитъ и его роль въ народномъ х-вѣ“.

Ф. М. Крамаревскій—„Мелкій кредитъ и его значеніе“.

П. И. Пященко—„Мелкій кредитъ и сельское хозяйство“.

А. С. Векслерчикъ—„Кооперация и хлѣбная торговля“.

А. Н. Янцыферовъ—„Історія кредитной кооперации въ Россіи“.

И. М. Хоткевичъ—„Кооперация въ Галичинѣ“.

А. А. Богомоловъ—„Земство, его значеніе и задачи“.

Г. Циперовичъ—„Синдикаты и тресты“.

І. А. Трахтенбергъ—„Бумажные деньги“.

П. Любимовъ—„Утопическій и научный социализмъ“.

Школьно-педагогическая библіотека

подъ ред. Д. Г. ПАНАДІАДИ.

Проф. Сумцов, О. М. Плевако і проф. Багалій—„Літературна українська хрестоматія“.

Ореографическій и русско-украинск. словари. Учебники для высшей и низшей украинскихъ школь.

Украинскіе классики. Русскіе классики.

Драматическая литература оригинальная и переводная.

Литература о народныхъ домахъ, просвѣтительныхъ о-вахъ и проч.

Сельско-хозяйственная библіотека

подъ ред. проф. А. П. ЧЕЛИНЦЕВА.

Книги по экономіи, организациі, техники сельского хозяйства, общественной агрономіи и сельско-хозяйственной кооперации.

На книжномъ складѣ „СОЮЗЪ“ имѣется: Литература по всѣмъ вопросамъ кооперации и разнообразнымъ отраслямъ знаній. Уставы кооперативовъ. Счетоводные бланки и книги. Календари.

Адресъ издательства: Харьковъ, Николаевская площ., № 9. Адресъ книжн. склада: Харьковъ, Московская ул., № 18.

НАДЪ ВЫРЫТОЙ МОГИЛОЙ.

„До чего мы дожили, о Россіяне! Петра Великаго погребаетъ!“ — раздался громкій вопль надъ могилой великаго преобразователя Россіи...

Нынѣ, когда самую великую Россію погребаютъ, не слышно ни воплей, ни слезъ... Надъ вырытой могилой — тихо, сумрачно, уныло... И лишь издали доносится лязгъ шапекъ, грохотъ приближающихся броневиковъ, орудій и пулеметовъ, сатанинскій хохотъ злорадствующаго врага и грозный кличъ *vae victis!*

Этотъ кличъ чувствуется и въ тревожныхъ слухахъ о вводѣ Германіей своихъ войскъ въ Россію для установленія порядка, и въ отозваніи „союзниками“ своихъ посланниковъ. „Горе, горе побѣжденнымъ!“ Горе имъ и за нарушенный покой довольныхъ и за развѣнчаніе основъ ихъ довольства...

Горе и мсть имъ!

Имперіалисты всѣхъ странъ объединились, если не формально, то въ дѣйствіи противъ общаго врага — пролетаріата и въ лицѣ великой революціонной Россіи расчитываются съ нимъ...

Въ этомъ вопросѣ между заклятыми врагами нѣтъ разногласій... Гидра революціи должна быть задушена...

Такъ было! Такъ есть! Такъ будетъ!

Такъ было во Франціи, когда нынѣшніе вершители судебъ всѣхъ странъ свергли своихъ угнетателей — феодаловъ... Европейская коалиція, коалиція вчерашнихъ враговъ, двинулась на революціонную Францію, и революція была задавлена.

Ея кошмаръ пересталъ тревожить блюстителей порядка... Торжество было полное... Красное знамя замѣнилъ стягъ священнаго союза трехъ императоровъ — стягъ стража спокойствія, порядка, священной собственности, религіи и традиціи... И дуновение смерти пронеслось по Европѣ, и въ холодныхъ заброшенныхъ могилахъ почилъ тѣ, кто погибъ за то, что желалъ быть человѣкомъ, а не этихъ свѣжихъ могилахъ буйно выросла крапива колючей реакціи...

Только въ одной странѣ продолжалъ царить прежній мракъ, прежнее насиліе, прежнее безправіе — въ странѣ, всѣмъ своимъ существованіемъ какъ бы опровергавшей то, что „идея выше штыка“. Эта страна, эта великая тюрьма своего народа и чужихъ народовъ — царская Россія. Скорлупа самодержавія какъ-бы душила малѣйшій ростокъ свободы, толща льда какъ-бы сковывала бурныя волны рѣки жизни... Но это только казалось. Подъ этой ледяной самодержавной броней накапливались волны недовольства. И ледъ далъ трещину, а затѣмъ подъ напоромъ снизу тронулся, и бурныя волны очистили русло могучей рѣки жизни и, сокрушивъ оковы, величественно понеслись въ прекрасную даль грядущаго міра...

Пробилъ, казалось, часъ освобожденія...

Но за время царизма на берегахъ рѣки накопилось столько нечистотъ, что, когда волны поднялись высоко, онѣ смыли эти нечистоты, и кристально-чистая рѣка загрязнилась, и прозрачныя волны помутнѣли... Этотъ моментъ былъ признанъ подходящимъ для того, чтобы чистое движеніе изобразить грязнымъ, чтобы муть наслѣдія царизма выдать за настоящую суть движенія, чтобы очернить революцію, чтобы оправдать себя за расправу съ ней...

Эта муть уже отставалась, волны революціоннаго потока уже вновь начали становиться хрустально-чистыми, еще

нѣкоторое время—и великій процессъ очищенія былъ бы совершенъ...

Но не чистота, а муть нужна рыбакамъ, рассчитывающимъ на легкую и обильную добычу... Рыболовныя снасти уже наготовлены, сѣти закинуты. Быть можетъ, расчеты и на этотъ разъ не обмануть ожиданій рыбаковъ...

Но живъ Богъ, жива душа революціонной Россіи... Сегодняшнимъ днемъ исторія не кончается.

Разъединенная Россія пала подъ ударами враговъ, соединенная она воскреснетъ и побѣдоносно эти удары отразитъ.

К. О. Н.

СМЕРТОНОСЦЫ.

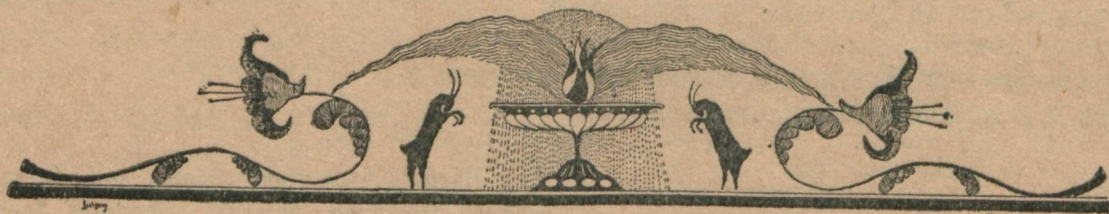
Въ подводной лодкѣ въ рубкѣ капитана
на столикѣ расчерченный картонъ.
Расплывчатой майоликой вспоенъ
мутнозеленый обликъ океана.

Но хода вывѣреннаго уклонъ
прямолинеенъ въ тусклостяхъ тумана,
гдѣ массою надменнаго тарана
носъ панцырнаго судна напруженъ.

Вотъ шелковистый быстрый свистъ торпеды
змѣиные томительные бреды
вплетаютъ въ четкій перестукъ машинъ.

И въ лѣпкомъ воздухѣ—гранитны лица,
и въ сдавленныхъ глазахъ—тоска лавинъ.
Но вспыхиваетъ радость, какъ зарница.

Георгій Шенгели.

ДВА ФУТУРИСТА.

I.

Пока Химера міровой войны еще не вздула свой исполинскій кровавый гребень и не вцѣпилась въ плечи человѣчества, чтобы помчаться съ нимъ въ пылающіе просторы разрушенной Европы,—люди, которые завтра стали трупами, торопливо заканчивали пышный циклъ своихъ эстетическихъ праздниковъ.

Весна 1914 года, полная мрачныхъ предчувствій въ воздухѣ, насыщенномъ грозovýmъ удушьемъ, была послѣдней весной умирающихъ вѣковъ. Казалось, духовная утонченность поднялась на высшую, пограничную съ бездной ступень, чтобы оттуда внезапно опрокинуться въ зіяющіе провалы. Балканская война уже пронеслась, какъ вереница массовыхъ преступленій, какъ музей пытокъ и извращенной жестокости. Она испугала человѣчество предвидѣніемъ новыхъ страховъ. Крики изнасилованныхъ женщинъ еще не умолкли въ ушахъ европейцевъ, сараи, наполненные

трупами, какъ дровами, болгары, вырѣзываемые греками, турки, вырѣзываемые болгарами, сербы, вырѣзываемые турками, албанцы, вырѣзываемые сербами,—какой хороводъ смертей!

На окраинѣ Европы вспыхнуло зарево, и изъ Сараева уже метнулись искры пожара въ императорскую Вѣну, чтобы взорвать на воздухъ дряхлую Европу. Въ Петербургѣ на баррикадахъ снова раздались проклятія самодержавію. Французы, мучимые болѣзненнымъ любопытствомъ, прислушивались къ выстрѣлу въ редакціи „Figaro“. Зеленые берега Ирландіи увлажнялись пятнами крови, а мрачные заводы Шнейдера и Круппа выкатывали изъ своихъ воротъ грохочущія вереницы гаубицъ. „Титаникъ“, разбитый ледяной скалой, лежалъ на днѣ океана и ждалъ къ себѣ „Лузитанію“, ужаленную злымъ поцѣлуемъ субмарины. Стальные птицы впервые стали вольными въ воздухѣ и, забавляясь, бросали игрушечныя бомбы, но неосторожное крыло одного аэроплана, случайно смета половину французскаго правительства,

повѣяло ужасомъ грядущихъ истреблений. Цеппелины носились въ ураганѣ надъ городами, но никто еще не думалъ, что эти смѣшныя сигары прикурятся отъ пожаровъ Мон-мартра и Вестъ-Энда.

Черный канунъ надвигался на Европу. Берега Италіи, гдѣ скоро съ глухимъ ревомъ будутъ разрываться брошенные бурей на камни мины, были еще устѣяны на своихъ пляжахъ густой толпой авантюристовъ, поэтовъ, государственныхъ дѣятелей, красивыхъ женщинъ, ученыхъ, професситутковъ и дипломатическихъ шпионовъ. Гостиницы, кафе, автомобили, яхты, экспрессы, подвижная аристократическая оранжерейно-искусственная культура была ослѣпительно прекрасна въ навечеріи мірового дня.

Невидимыя руки проворно копали глубокую траншею между вчера и завтра Европы, чтобы наполнить ее обломками статуй, соборовъ, дворцовъ, чтобы загроздить ее милліонами тѣлъ, гранатныхъ осколковъ, и въ общую могилу бросить ученость, красоту и нравственность вѣковыхъ достиженій. Женщины украшали свои зеленые и голубые парики эгретками изъ пестрыхъ перьевъ экзотическихъ птицъ, жеманно дразнили хищные взоры наготой, полускрытой расшитыми въ блесткахъ платьями, подъ красочными криками исполинскихъ афишъ, въ электрическихъ огняхъ, въ стеклянно-стальныхъ залахъ опьянялись эротикой сладострастнаго аргентинскаго танца.

Маринетти подымался на древній Капитолій и оттуда бросалъ хриплые возгласы безсвязныхъ стиховъ проклятій. Пророкъ паденія и смерти, онъ въ восторгѣ привѣтствовалъ царственную войну, чтобы она соткала громадное красное кружево изъ тѣлъ, раздробленныхъ шрапнелью, изъ батальоновъ, сметенныхъ вѣромъ пулеметныхъ пуль, изъ армій, за одинъ день превращенныхъ въ смрадные груды человѣческой падали.

Но солнце, золотое, какъ всегда, но весна, обаятельно вѣжная въ фіалковыхъ и миртовыхъ вѣнцахъ, но поэты, живущіе нервнымъ перебоемъ сегодняшняго дня, не знали, ничего о томъ, что сѣрая кинематографическая лента современности скоро заалѣетъ въ багрово-огненномъ виражѣ международнаго убійства.

Съ тѣхъ поръ Время-могильщикъ неустанно роетъ гробницу, чтобы похоронить въ ней чудовищный трупъ тысячелѣтнаго прошлаго. Оно торопится, задыхаясь, спѣшитъ исполнить свой неизбѣжный трудъ, а земля уже дрожитъ отъ желѣзной поступи новаго тысячелѣтія, стремительно бѣгущаго навстрѣчу намъ. Невѣдомое еще лицо новой культуры, закрытое вуалью дымовъ, уже бросило на насъ взгляды, острые, какъ молнія; новые голоса выкрикиваютъ неслыханные лозунги.

Какое искусство могло возникнуть среди безпорядочныхъ противорѣчій, среди артиллерійскихъ громоханій и блѣдныхъ звуковъ напряженно-замирающихъ салонныхъ симфоній, среди утонченно-прекрасной жизни и варварски грубой смерти, среди броневыхъ панцырей стальныхъ чудовищъ и тончайшихъ тканей одежды хрупкихъ женщинъ 1914 года?

Конечно, никакое искусство, кромѣ футуризма. Футуризмъ далъ слухъ и зрѣніе нечеловѣчески-интенсивной культурѣ, выдуманной въ лабораторіи великихъ имперій, которая сама была превращена въ обломки опасными опытами.

Футуризмъ гармонически увѣнчивалъ собой дисгармоническую громаду европейской культурности. Рѣзкій, порывистый, внезапный, безобразный въ своемъ нелѣпомъ изяществѣ, крикливый, ежедневно мѣняющій очертанія и краски, онъ не могъ не возникнуть и не могъ не умереть при первомъ же сигнальномъ выстрѣлѣ войны.

Футуризмъ былъ истерическимъ жестомъ великолѣпной культуры, падающей въ пропасть. Онъ смялъ и разорвалъ въ клочья красоту, онъ разрушилъ музыку, разложилъ живопись на первобытные конусы и кубы, раздробилъ слово въ поэзіи и сдѣлалъ его нервнымъ и непонятнымъ. Отъ слова-понятія, спокойно описывающаго вещи, отъ слова-символа, сливающаго въ искусствѣ вещи съ настроеніями человѣка, онъ опустился до слова, ставшаго такимъ же самостоятельнымъ, какъ люди и вещи, до звука, который не хочетъ выражать ничего, кромѣ себя самого, до краски, ничему не подражающей, до линіи, слѣдящей только за своимъ собственнымъ изгибомъ.

II.

Игорь Сѣверянинъ и Владимиръ Маяковскій. Два футуриста. Объ одномъ изъ нихъ уже поздно писать, а о другомъ—еще рано. Одинъ принадлежитъ всецѣло прошлому. Онъ весь перемолотъ и искрошенъ желѣзными зубами литературной критики, использованъ жадной толпой до конца и выброшенъ ею, какъ флаконъ отъ пряныхъ духовъ, какъ пепелъ изъ выгорѣвшаго костра, какъ заношенная перчатка, наконецъ!

Другой ничего не далъ, кромѣ предвѣстій и неясно-тревожныхъ зарницъ какой то новой поэтической бури. Оба шли наперерѣзъ эстетическимъ вкусамъ своего времени, но одинъ утонулъ въ крикахъ толпы, смѣшался съ нею, вошелъ въ теплый омутъ мѣщанства и сжился съ его уютomъ. Другой столкнулся съ литературными противниками, отошелъ отъ нихъ, дерзкій и смѣшной, какъ трагическій паяцъ съ дико раскрытыми вѣщими глазами на накрашенномъ лицѣ.

Игорь Сѣверянинъ всецѣло принадлежитъ веснѣ 1914 года, хрупкому, нѣжному міру мгновенной и мимолетной утонченности, внезапно вспыхнувшей и внезапно угасшей въ вечеръ послѣдняго дня передъ войной. Маяковскій духовно скованъ съ весной 1917 года, когда онъ увидѣлъ въ жизни неистовый бунтъ, который клокоталъ въ его немогущихъ и напряженно властныхъ стихахъ.

Одинъ замѣняетъ красоту изяществомъ и граціозной красотой. Другой—отвергаетъ красоту, какъ обманувшее божество, разбитое въ клубкахъ еще курящагося ладана.

Другъ друга они смертельно ненавидятъ той особой мелочно-женской враждой, на какую способны только поэты.

И малый этакій-таковскій
Смышленный парень Маяковскій,
Сумѣвшій кофтой цвѣтъ танго
Надѣлать „бумъ“ изъ ничего.

Маяковскій на эту легкую и колкую насмѣшку отвѣчаетъ мрачнымъ выкрикомъ своего стиха, хрипящаго, свистащаго, воющаго какъ городская улица.

Изъ сигарнаго дыма,
ликерною рюмкой,
вытягивалось прочитое лицо Сѣверянина.
Какъ вы смѣете называться поэтомъ
и, сѣренькій, чирикать, какъ перепелъ!..
Вы,—обеспокоенные мыслью одной—
„изящно пляшу-ли“,
Вы,—которые влюбленностью мокли,
отъ которыхъ
въ столѣтѣ слеза лилась...

Не подѣлили между собой поэтическаго Олимпа и боролись другъ съ другомъ на его кремнистыхъ утесахъ, пока оба, избитые, окровавленные, не были свергнуты въ забве-

ние. Люди, отвернувшись от поэзии, смотрели, как разгораются великие огни войн и революций, в сравнении с которыми смѣшной спор поэтических тщеславий кажется кощунствомъ передъ лицомъ разгнѣваннаго бога.

Настало-ли время возвращаться къ искусству среди отголосковъ замирающей соціальной бури? Игорь Сѣверянинъ наглухо погребенъ обломками и мусоромъ разрушенныхъ зданій культуры. Онъ не вернется никогда. Маяковский все еще чертитъ свой извилистый путь въ сумеркахъ предутренняго часа. Не на него упадутъ первые лучи поэтического Ренессанса. Въ немъ есть необычайная сила власти надъ словомъ, огромное эстетическое дарованіе, но онъ не умѣетъ имъ владѣть, сгибается подъ непосильнымъ бременемъ и будетъ отстраненъ съ дороги новыми поэтами, которые еще не пришли, потому что не пришло ихъ время...

Фихте провелъ черезъ весь міръ исполинскую непреходимую границу „я“ и „не-я“. По ту сторону души, въ хаосѣ вещей и людей, умолкаетъ симфонія личныхъ чувствъ, гаснетъ тонкая ткань внутреннихъ переживаній, несравненный восторгъ чувствовать только себя, любить только себя. По ту сторону внѣшняго міра, въ глубинѣ человѣческаго сердца, раскинутъ необъятно сложный микрокосмъ, враждебный соціальному міру, углубленный въ себя, созданный изъ искусственныхъ запаховъ, изъ выдуманныхъ звуковъ, изъ символическихъ словъ.

Игорь Сѣверянинъ и Маяковский живутъ по разнымъ сторонамъ фихтевской познавательной границы, нигдѣ между собой не соприкасаясь.

Лирическая уединенность Сѣверянина была главнымъ тезисомъ его очарованія. Повсюду, гдѣ онъ пытался переступить магическую пентаграмму поэтического эгоизма, созерцанія внѣшняго только черезъ призму собственного чувства, онъ роковымъ образомъ впадалъ въ отвратительную посредственность газетнаго поэта.

То, что кажется основнымъ недостаткомъ его поэзии, крайняя сосредоточенность на собственныхъ чувствахъ, почти исключительно самоупоенія и эротики, на самомъ дѣлѣ остается его единственной силой.

Въ мірѣ собственной души не такъ свободно, какъ во внѣшнемъ просторѣ, гдѣ можно по прихоти выбирать страны, небеса и людей. Чувства изживаютъ себя быстро, быстро принимаютъ законченныя формы, а затѣмъ приходитъ поэтическая дряхлость и однообразное штампованіе утомительно-повторныхъ мотивовъ. Поэтическая жизнь Сѣверянина была очень короткой. Незрѣлые младенческие опыты подражаній Фофанову, Лохвицкой и даже Надсону. Несравненная по своей геніальности, исключительная въ русской поэзии маленькая книжка „Громокипящій Кубокъ“, а затѣмъ громоздкое литературное наслѣдіе, иногда озаренное внезапной искрой.

Любовь не повторяется. Она сжигаетъ сердце до конца. Поэзія, рожденная любовью, сильна въ своихъ первыхъ весеннихъ всходахъ и неуклонно вянетъ и блекнетъ подъ солнцемъ литературной славы и самовлюбленности.

Хрупкая, изнѣженная утонченность любовной лирики времени упадка и разложенія дала стихамъ Сѣверянина ихъ кратковременную обаятельность.

Колье принцессы—небесъ палаццо,
Насмѣшка, горечь, любовь, грѣхи,
Гримаса боли въ лицѣ паяца...
Колье принцессы—мои стихи.

Современная романтика изящныхъ словъ и черемѣрно красиваго чувства... Надо быть безмѣрно сложнымъ въ своей способности фиксировать мимолетныя переживанія, чтобы нанизать драгоценныя, пересвѣчивающіе всѣми отбле-

сками камни въ царственное кольцо насмѣшки, горечи, улыбки, влюбленности, боли.

Миниатюрная поэзія поэтъ-виньетокъ, изящныхъ и крохотныхъ, выросла у Сѣверянина до чеканнаго совершенства послѣ котораго нѣтъ ничего, кромѣ вырожденія въ романтическую мелочность слезливыхъ чувствъ.

Она на пальчикахъ привстала
И подарила губы мнѣ.
Я цѣловалъ ее устало
Въ сырой осенней тишинѣ.
И слезы капали беззвучно
Въ сырой осенней тишинѣ.
Гасъ сѣрый день и было скучно,
Какъ все, что только не во снѣ...

Эти восемь строкъ звучатъ громче большихъ поэмъ, написанныхъ звонко-трескучимъ стихомъ. Тотъ поэтъ, который геніальнымъ усиленіемъ достигъ на мгновенье этого совершенства выразительности и сжатости, останется навсегда большимъ поэтомъ маленькихъ поэмъ.

III.

И вдругъ, какъ дикій вопль, какъ яростный ревъ пьянаго дикаря, какъ вой толпы, бѣгущей по улицѣ, раздается бунтарскій выкрикъ Маяковского.

Выньте, гуляющіе, руки изъ брюкъ—
берите камень, ножъ или бомбу,
а если у котораго нѣту рукъ—
пришелъ чтобъ и бился лбомъ бы!
Идите! Понедѣльники и вторники
окрасимъ кровью въ праздники!
Пускай землѣ подъ ножами припомнится,
кого хотѣла ополхитить!
Землѣ, обжирѣвшей, какъ любовница,
которую вылюбилъ Ротшильдъ!

Мрачный эффектъ контраста нѣжной тонкости и разгульныхъ выкриковъ звучитъ, конечно, противъ Маяковского. Но у него есть двѣ особенности, дающія страшную силу художественнаго размаха. Онъ—революціонеръ стиха. Онъ—революціонеръ поэтического духа. Онъ создалъ новый метръ стиха, новый ритмъ и наполнилъ его матеріаломъ такихъ словъ, которыя дерзко ломаютъ манерную условность стараго стиха и выводятъ его на какой-то огромный, еще неузнанный просторъ.

Послѣ того, какъ всѣ поэты стали писать одинаково красиво и одинаково скучно, списывая другъ у друга выложенные трафареты, Маяковский пришелъ въ литературу, похожий на красногвардейца, ворвавшася въ какое-нибудь министерство и тамъ, въ скучно-строгихъ канцеляріяхъ, утвердившаго свою буйную „диктатуру пролетаріата“.

Я не знаю, понимаютъ-ли рабочіе-большевики Маяковского, но онъ пишетъ какомъ-то жестокимъ и грубо-шершавымъ языкомъ, напоминающимъ яростный ритмъ русской революціи.

Поэты легко поддаются соблазну господствующихъ настроеній. Маяковский, твердый, какъ камень, выносилъ въ душѣ мечту соціального бунта. „Въ терновомъ вѣнцѣ революцій грядетъ который-то годъ. А я у васъ—его предтеча“.

Этотъ „который-то годъ“ время помѣтило на календарѣ вѣчности цифрой 1917. Маяковский безудержно бросился въ уличный бунтъ, оставивъ позади свое поэтическое дѣтство, когда онъ озорничалъ въ желтой кофтѣ, злясь на литературное мѣщанство. Его первый большой опытъ создать поэму революціи, поэму пролетарскаго интернаціонализма,

не былъ удаченъ. Онъ взялъ невѣрный тонъ. Нельзя давать сплошную картину детальнаго описанія средствами той поэзіи, которая разрѣшаетъ только рѣзкіе отрывистые штрихи символовъ. „Городовые падаютъ пучками, точно перья изъ хвоста чернаго орла“. Это почти безвкусно!

Но безвкусица и мощная поэзія нераздѣлимы. Викторъ Гюго вѣрно отмѣтилъ, что маленькіе поэты-ремесленники не разрѣшаютъ себѣ роскоши безвкусицы.

Безвкусная самоувѣренность бунтаря, идущаго завоевывать міръ, рушить его основы, гнать царей съ престоловъ, сбросить бога съ небесъ, играть ноктюрны на флейтахъ водосточныхъ трубъ, любить пролетарскую улицу, дышать ея отравленнымъ воздухомъ, повторять ея мятежные гулы, рвать мантию царственной красоты на знамена демонстрацій и кричать: „Плевать, что нѣтъ у Гомеровъ и Овидіевъ людей, какъ мы, отъ копоты въ оспѣ. Я знаю—солнце померкло бы, увидѣвъ нашихъ душъ золотыя росыпи!“.

Поэзія Маяковского—не настоящее творчество, а сумбурная прелюдія оркестра, настраивающаго инструменты, чтобы играть неслыханныя потрясающія симфоніи. Онъ не обладаетъ спокойной гордостью увѣренности въ себѣ. Онъ—дерзкій мальчишка революціи, онъ—сынъ городской улицы, не выдавшій ничего, кромѣ чумнаго барака, города-лепрозорія, воздвигнутаго въ грохотъ и копоты.

Своимъ пьяно-дребезжащимъ, надорваннымъ, кипящимъ нелѣпыми образами стихомъ, онъ въ состояніи добиться какого-то страннаго эффекта: уродство словъ становится понятнымъ, потому что говоритъ объ уродствѣ клокочущей жизни, и грубый символизмъ кричащаго стиха внезапно становится самымъ совершеннымъ поэтическимъ воплощеніемъ современности, обрушенной въ бездну, запятнанной кровью, увѣнчанной пожарами, многоголосой, безсвязной, лихорадочно-быстрой и страшной.

Громоздящемуся городу уродился во снѣ
хохочущій голосъ пушечнаго баса,
а съ запада падаетъ красный снѣгъ
сочными клочьями человѣчьяго мяса.

Газетчики надрывались: „Купите вечернюю!
Италія! Германія! Австрія!“
Изъ ночи, черно очерченной чернью,
багровой лилась и лилась струя.

Иного поэтического языка, чѣмъ этотъ грубый, диссоциирующий отрывками правды и вспышками бредовыхъ вы-

мысловъ, стихъ, не можетъ быть для выраженія жизни, начавшейся послѣ катастрофы до-военной культуры.

Но было бы крайней наивностью думать, что Маяковский противостоитъ Игорю Сѣверянину, какъ варваръ европейцу. Техника стиха Маяковского необычайна по своей виртуозности. Онъ владѣетъ всѣми формами рима, какъ великій маэстро. Онъ сочетаетъ внутреннія созвучія словъ съ поразительнымъ эстетическимъ чутьемъ. Постепенное нарастаніе пафоса въ нѣкоторыхъ поэмахъ доходитъ до звѣринаго вопля и снова снижается, какъ задыхающійся нервный шопотъ.

Но несчастье въ томъ, что онъ самъ не зналъ, для чего ему нуженъ поэтический даръ. Онъ игралъ имъ, какъ ребенокъ ручной гранатой, не подозревая, какая исполинская разрушительная сила кроется въ его игрушкѣ. Его поэтическая одаренность могла открыть собой новую страницу въ революціонно-пролетарской социалистической поэзіи, а онъ истаскалъ ее въ желтой кофтѣ на литературныхъ вечеринкахъ буржуазной Москвы, волнуя и зля ненужныхъ враговъ...

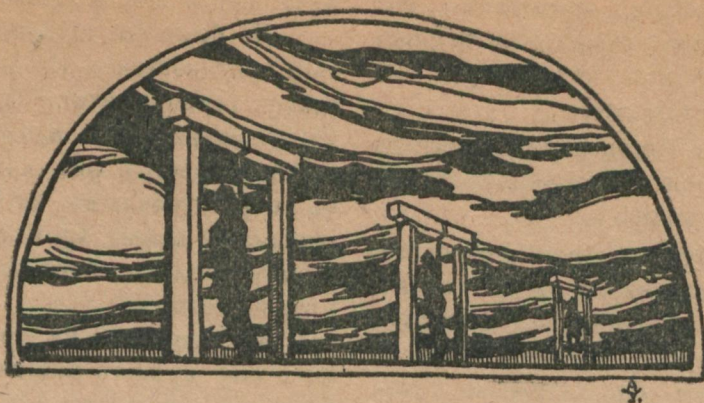
И, тѣмъ не менѣе, путь къ новой поэзіи лежитъ черезъ Владимира Маяковского. Его манера писать безсознательно растворяется въ литературѣ, становится привычной, потому что она сильнѣе всего и полнѣе всего выражаетъ собой русскую революцію.

Поэтический футуризмъ Маяковского—молодое, полное силъ варварство въ поэзіи, отдѣлившееся отъ декадентскаго варварства буржуазнаго футуризма Игоря Сѣверянина. Соціальныя опредѣленія имѣютъ огромную цѣнность для учета поэтическихъ дарованій. Не въ шутку, а совершенно серьезно поэзія Игоря Сѣверянина проникнута сплошнымъ тономъ буржуазныхъ настроеній, въ томъ психологически ясномъ смыслѣ этого слова, который такъ хорошо раскрылъ Вернеръ Зомбартъ въ своихъ трехъ книгахъ о капитализмѣ, роскоши и буржуазности.

Мы стоимъ у начала новой эпохи, міровой по своему размаху, катастрофически бурной и до основанія потрясающей всѣ старыя формы искусства. Не Маяковский, а новый поэтъ, болѣе сильный, чѣмъ онъ, но идущій по тому же пути, не футуристъ, но вырастившій свое творчество на томъ же корнѣ, не отщепенецъ пролетаризованный интеллигентъ, а человѣкъ, спаявшій свое сердце съ сердцемъ пролетарской революціи, пройдетъ до конца широкіе пути, къ которымъ ведутъ узенькія, извилистыя, четко намѣченныя тропинки современнаго искусства.

Валентинъ Рожицынъ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ГЛАВА VI.

Недостатокъ людей въ партіи лишилъ меня возможности посвятить себя всецѣло дѣятельности среди рабочихъ... Не успѣлъ я еще основательно освоиться съ этимъ дѣломъ, какъ пришлось приняться за другое...

Куницкому предстояло уѣхать за границу для переговоровъ съ эмигрантами относительно заграничнаго органа партіи: „Борьба Классовъ“ („Walka Klas“), и для предварительныхъ переговоровъ о планированномъ союзѣ съ „Народной Волей“... Его долженъ былъ замѣнить Александръ Дембскій, по характеру и темпераменту являвшійся полной противоположностью Куницкому. Спокойный, уравновѣшенный, менѣе блестящій, но болѣе настойчивый, онъ съ необыкновеннымъ самообладаніемъ сочеталъ поразительную и какъ то не вязавшуюся съ цѣлымъ его обликомъ неконспиративность, что не мѣшало ему въ случаѣ опасности поразительно ловко ускользать отъ рукъ жандармовъ. Уже послѣ моего ареста жандармы накрыли его въ одной изъ варшавскихъ молочныхъ на свиданіи съ Яновичемъ и Славинскимъ. Приставъ подошелъ къ столику, за которымъ они сидѣли втроемъ, со словами:

— Вы арестованы...

— Это мы еще посмотримъ! — послѣдовало возраженіе со стороны Дембскаго, вытянувшего изъ кармана револьверъ и направившаго его на пристава...

Раздались выстрѣлы... Приставъ бросился на стрѣлявшаго также Яновича и вцѣпился въ него... Дембскій выстрѣлилъ въ другой разъ... Славинскій набросился на пристава, повалившаго Яновича и пытавшагося вырвать у него изъ рукъ револьверъ, высвободилъ изъ-подъ него Яновича — и они оба съ Дембскимъ выбѣжали изъ молочной, не сомнѣваясь въ томъ, что Яновичъ послѣдуетъ ихъ примѣру и не замѣтивъ, что онъ раненъ приставомъ въ руку, и что онъ въ такомъ истерзанномъ видѣ, что на улицѣ его можетъ задержать первый встрѣчный городской... Яновичъ тогда же былъ арестованъ, а Славинскій и Дембскій скрылись. Впослѣдствіи Славинскій, арестованный во время избирательной кампаніи въ Прусской Польшѣ, по отбытіи тюремнаго заключенія въ Познани, былъ выданъ германскими властями Россіи, приговоренъ къ смертной казни, а затѣмъ помилованъ и сосланъ въ каторжныя работы безъ срока, откуда благополучно убѣжалъ. Дембскій же, здравствующій и понынѣ, такъ таки и не испыталъ прелестей русскихъ тюремъ, несмотря на всѣ усилія жандармовъ, пытавшихся добиться его выдачи Швейцаріей, послѣ общеизвѣстнаго и въ свое время прогремѣвшаго на весь міръ дѣла „о цюрихскихъ бомбахъ“... Дембскій былъ однимъ изъ членовъ этой

группы „бомбистовъ“, изготовлявшихъ въ Швейцаріи взрывчатые снаряды для готовившагося покушенія на Александра III и сильно пострадавшихъ отъ взрыва при испытаніи подъ Цюрихомъ одного изъ изготовленныхъ снарядовъ...

Когда я познакомился съ Дембскимъ, онъ уже былъ извѣстенъ и своей неконспиративностью и своимъ удачнымъ ускальзываніемъ...

Пока Куницкій былъ въ Варшавѣ, Дембскій, жившій въ то время подъ фамиліей Рентшке, завѣдывалъ, главнымъ образомъ, техническими работами — типографіей, наборомъ, гектографированіемъ, къ которому въ то время весьма часто прибѣгали, — техника была его любимымъ дѣтищемъ. Послѣ отъѣзда Куницкаго ему предстояло взять на себя общее руководство.

На одной изъ сходовъ въ ресторанѣ Бедржицкой, гдѣ изо дня въ день по вечерамъ происходили засѣданія „расширеннаго центра“ — членовъ и агентовъ Центрального Комитета партіи, и гдѣ именно изъ-за этихъ ежедневныхъ встрѣчъ насъ принимали за „теплую компанію“ многообщающихся юношей, Куницкій объявилъ намъ „официально“ о своемъ выѣздѣ и о томъ, что по всѣмъ дѣламъ слѣдуетъ обращаться къ Дембскому...

Присутствовавшій на этой сходкѣ Дембскій обратился тутъ же ко мнѣ съ немало поразившимъ меня вопросомъ:

— По вечерамъ вы свободны?

— Да!

— А плясать умѣете?..

Я былъ ошарашенъ..

— Умѣю, но...

— Умѣете? Ну, и прекрасно! Завтра же попляшемъ съ вами...

Онъ улыбался — и я былъ увѣренъ, что все это шутка и шутка, надо сказать, совершенно не отвѣчавшая моему тогдашнему восторженному настроенію... Говорить о танцахъ, когда рѣчь идетъ о партійной работѣ... Это казалось мнѣ какимъ-то недопустимымъ кощунствомъ...

Но это не была шутка.

— Знаете, гдѣ кондитерская Гината? — спросилъ онъ меня шепотомъ.

— Знаю...

— Я Васъ буду ждать тамъ завтра въ 8 час. вечера.

Я былъ задѣтъ... Шутка продолжалась слишкомъ долго...

На слѣдующій день въ назначенное время Дембскій уже меня дожидался и, какъ только я вошелъ, расплатился за выпитый чай и ушелъ вмѣстѣ со мной... Минуту спустя мы вошли въ какой-то домъ, поднялись на второй этажъ и позвонили... Намъ тотчасъ же открыли дверь, и мы очути-

лись въ квартирѣ, гдѣ челоѡкъ тридцать молодежи—дѣвушекъ и юношей—весело отплясывали любимый польскій танецъ — „оберекъ“, хлопая каблуками, громко постукивая ногами объ полъ.

Пустился въ плясъ и Дембскій, а вслѣдъ за нимъ и я, продолжая недоумѣвать и даже негодовать по поводу такой профанаціи и моихъ чувствъ и дѣла.

Нѣсколько времени спустя, словно вдоволь накружившись въ оберткѣ, Дембскій позвалъ меня...

— Пойдемте!

Мы прошли въ сосѣдную комнату, Дембскій плотно закрылъ за собою двери, слегка отодвинулъ диванъ, представленный къ слѣдующей двери, и простучалъ пальцемъ явно условленный знакъ. Дверь открылась, и мы очутились въ... типографіи.

По срединѣ комнаты стоялъ небольшой типографскій станокъ, обмотанный снизу толстой веревкой... Налъ нимъ, весь обливаясь потомъ, съ большимъ типографскимъ валикомъ въ видѣ грузнаго цилиндра стоялъ Агаѡнъ Загурскій, а съ боку добродушнѣйшій литвинъ Выгановскій, возлѣ котораго съ одной стороны лежали груды влажной бумаги, а съ другой—уже отпечатанные листы...

На минуту прерванная ими работа возобновилась. Валъ грузно и шумно налегъ на наложенную на шрифтъ бумагу и усилиями Загурскаго прокатился съ одного края до другого...

Только въ этотъ моментъ я сообразилъ, въ чемъ дѣло... Танцы въ сосѣдномъ помѣщеніи заглушали шумъ печатанія; для этого они и устраивались... Типографія находилась въ квартирѣ, смежной съ той, въ которой происходили танцы, и о ней знали лишь хозяйка и лица, причастныя къ типографіи... Всѣ остальные просто обучались танцамъ, даже не подозрѣвая, что происходитъ за стѣной...

— Ловко! — подѣлился я своимъ восторгомъ съ присутствовавшими.

— А теперь за работу! Снимайте сюртукъ... — скомандовалъ Дембскій. — Янекъ (Выгановскій) будетъ накладывать бумагу, вы будете снимать, а я съ „Крулемъ“ (псевдонимъ Загурскаго) будемъ работать валомъ...

Работа закипѣла... подъ звуки мазурки, отплясываемой въ сосѣдномъ помѣщеніи.

Одно оставалось для меня непонятнымъ: для какой цѣли станокъ снизу обмотанъ веревкой, вѣрнѣе, даже канатомъ, въ которомъ я съ непривычки то и дѣло путался. Только мѣсяцъ спустя это для меня разъяснилось. Квартиру, въ которую мы съ Лембскимъ вошли и въ которой плясали, снимала тов. Головня, квартиру же, занятую типографіей, входъ въ которую былъ съ другой лѣстницы, снималъ Выгановскій. Для постороннихъ это были совершенно чужіе люди, незнакомые другъ съ другомъ... Въ случаѣ тревоги — коммуникаціонная дверь изъ квартиры Выгановскаго въ квартиру Головни открывалась, и типографія перетаскивалась въ сосѣдную квартиру... Для этого перетаскиванія и нужны были веревки...

Долго за полночь мы провели въ тотъ разъ за работой, бросивъ ее только тогда, когда звуки музыки умолкли, и веселившаяся по сосѣдству публика начала расходиться по домамъ.

Было поздно, и мы всѣ трое остались ночевать у Выгановскаго...

Какъ же славно было въ ту ночь на душѣ, и какъ тяжело вспоминать теперь о ней!

Выгановскій, высланный административно въ Сибирь, по возвращеніи изъ ссылки вновь принялся, на этотъ разъ въ Россіи, за революціонную работу, былъ арестованъ и скончался въ тюрьмѣ отъ чахотки... Загурскаго постигла

еще горшая судьба... Арестованный въ Варшавѣ на улицѣ, онъ сошелъ съ ума въ X Павильонѣ Варшавской Цитадели... Жандармы не преминули использовать его болѣзнь для выуженія у него нужныхъ имъ свѣдѣній. Завѣдомо ложно, имѣя уже убійцъ извѣстнаго Судейкина въ рукахъ, они обвиняли Загурскаго въ его убійствѣ... Лишившись разсудка, въ буквальномъ смыслѣ слова не вѣдая, что творить, Загурскій, для установленія своей непричастности къ этому дѣлу, ссылался на свидѣтелей, называя ихъ фамиліи, которые могли подтвердить, что онъ въ моментъ убійства Судейкина былъ въ Варшавѣ, называлъ квартиры, въ которыхъ жилъ или ночевалъ... Каждое его показаніе, вполнѣдствіи, во время процесса „Пролетаріата“, оглашенное на судѣ, начиналось со словъ: „Я не убійца Судейкина, въ доказательство чего могу назвать лицъ, которые могутъ удостовѣрить, что...“ и т. д. И вслѣдъ за этимъ приводились фамиліи мирового судьи Петра Васильевича Бардовскаго, вполнѣдствіи казеннаго по нашему дѣлу, Выгановскаго, Крживоблоцкаго и многихъ другихъ...

Всѣ эти лица находились еще на свободѣ, жандармы ихъ не арестовывали и лишь устанавливали за ними слѣжку, чтобы вполнѣдствіи схватить всѣхъ заразъ въ одинъ день, а Загурскаго все увѣряли, что всѣ приведенныя имъ доказательства недостаточны, что нужны еще другія, новыя. Поиски доказательствъ — сдѣлались маніей Загурскаго... Онъ напрягалъ память и изо дня въ день сообщалъ жандармамъ все новыя и новыя фамиліи, губилъ все новыхъ и новыхъ лицъ. Уцѣлѣли лишь тѣ, о которыхъ онъ не вспомнилъ...

Его душевное состояніе съ каждымъ днемъ ухудшалось... По временамъ онъ искалъ общенія съ людьми, стучалъ къ сосѣдямъ по камерѣ, но всѣ его избѣгали, опасаясь, какъ бы онъ опять чего-либо не вспомнилъ. И эти опасенія были вполнѣ обоснованы.

Однажды привезли въ X Павильонъ Болеслава Онуфровича. Онъ былъ арестованъ лишь, какъ братъ жены Плосскаго (тоже сидѣвшей въ X Павильонѣ), въ виду ожидавшагося пріѣзда въ Варшаву Александра III... Въ такихъ случаяхъ на время пребыванія царя въ Варшавѣ содержались въ тюрьмѣ сотни, если не тысячи ни въ чемъ не повинныхъ людей, которыхъ послѣ отъѣзда царя немедленно освобождали. Въ числѣ этихъ жертвъ царскаго посѣщенія былъ и Онуфровичъ. Жандармы не имѣли ни малѣйшаго представленія о его принадлежности къ партіи. На его несчастіе онъ былъ посаженъ въ камерѣ рядомъ съ камерой Загурскаго. Послѣдній, услышавъ шумъ по сосѣдству, простучалъ ему:

— Кто?

— Онуфровичъ, — послѣдовалъ отвѣтъ...

Этого было достаточно. Загурскій подбѣжалъ къ двери, вызвалъ жандарма и потребовалъ:

— Ведите меня въ канцелярію! Вспомнилъ еще одного!

И его повели — и Онуфровичъ поплатился за это сосѣдство восьмилѣтней административной ссылкой въ Восточную Сибирь.

Злѣйшій предатель и провокаторъ не могъ причинить столько вреда партіи, сколько причинилъ этотъ несчастный умалишенный! Вскорѣ его помѣшательство приняло характеръ буйнаго. Его усмиряли, надѣвали на него рубашку для сумасшедшихъ, били... Онъ кричалъ, рыдалъ — и его наказывали карцеромъ... Но отъ этого ему только становилось все хуже и хуже... — и жандармы вынуждены были его выпустить изъ тюрьмы... Онъ былъ отданъ на поруки отцу, и нѣсколько недѣль спустя подрѣзалъ себѣ горло бритвой и въ страшныхъ мукахъ скончался...

Кто бы въ ту памятную ночь могъ подумать, что онъ такъ кончитъ и такъ повредитъ тому дѣлу, которому безважно до этого служилъ!

Другія типографіи, въ которыхъ мнѣ приходилось работать, — въ квартирѣ Рентшке-Дембскаго и въ квартирѣ Славинскаго — въ отношеніи конспираціи не были такъ удачно обставлены, какъ квартира Выгановскаго... Тѣмъ большую вслѣдствіе этого конспиративность приходилось соблюдать при ихъ посѣщеніи. О характерѣ этой конспираціи даетъ понятіе слѣдующій, не лишенный курьеза фактъ. Предстояло печатать пятый номеръ „Пролетаріата“... Типографія находилась у Славинскаго... Для того, чтобы, въ случаѣ провала типографіи, никто туда не заходилъ, было условлено, что хозяинъ типографіи, если все обстоитъ благополучно, въ ближайшей кондитерской, въ номерѣ „Варшавскаго Курьера“ подчеркнетъ необходимыя въ каждой газетѣ слова: „Дозволено цензурой“.

Каждый изъ направляющихся въ типографію въ свою очередь въ знакъ того, что онъ цѣль и невредимъ, и что, слѣдовательно, нѣтъ повода принимать мѣры предосторожности, тоже долженъ былъ подчеркнуть эти сакраментальныя слова.

Съ Славинскимъ я еще не былъ въ то время знакомъ.

Когда я вошелъ въ кондитерскую, „Курьеръ“ былъ въ рукахъ какого-то юноши — блондина, маленькаго, невзрачнаго, щуплаго.

Я подошелъ къ нему и попросилъ по прочтеніи передать мнѣ газету, а самъ усѣлся за сосѣднимъ столикомъ и не спускалъ съ него глазъ, такъ какъ не разъ случалось, что кельнеръ, какъ только кто положитъ газету на столъ, хватаетъ ее и подноситъ другому посѣтителю.

Блондина видимо тяготило мое сосѣдство. Онъ отвернулся ко мнѣ спиной, положилъ газету на столъ и что-то надъ ней продѣлалъ...

Я сообразилъ, что это, должно быть, хозяинъ типографіи и что онъ ставитъ на газетѣ условленный знакъ.

Я вторично подошелъ къ нему, протянулъ руку за газетой съ вопросомъ: „Уже можно?“ и, почти не скрываясь, провелъ карандашомъ черту подъ уже подчеркнутыми словами: „дозволено цензурой“.

Эффектъ получился для меня совершенно неожиданный. Я продѣлалъ явно всю эту процедуру въ расчетъ на то, что смогу слѣдомъ за хозяиномъ пойти въ типографію и мнѣ не придется разыскивать совершенно неизвѣстную мнѣ до этого квартиру... Въмѣсто этого предполагаемый хозяинъ выскочилъ, какъ ошпаренный, изъ кондитерской, кинувъ меня на прощаніе подозрительнымъ взглядомъ.

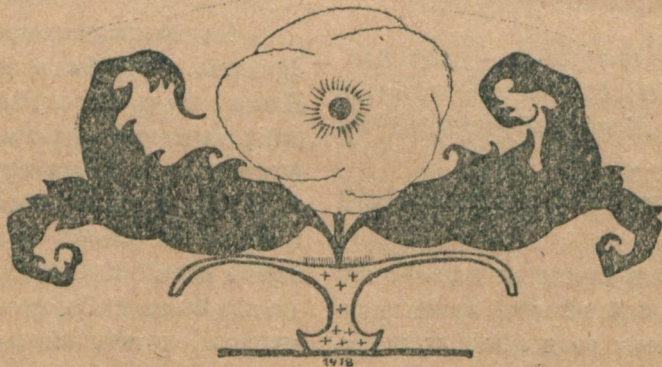
Впослѣдствіи оказалось, что Славинскій — а это былъ онъ, — не предупрежденный Дембскимъ о томъ, что въ типографію долженъ прійти незнакомый ему человѣкъ, прінялъ меня за „...шника“...

Онъ зналъ, что въ кондитерскую долженъ былъ прійти и Дембскій, испугался, что тотъ можетъ попасться, и съ рискомъ (въ его представленіи это былъ рискъ) для себя, зашагалъ по троттуару передъ кондитерской... Вскорѣ появился Дембскій. Недоразумѣніе разъяснилось, и мы отправились въ типографію, — небольшую комнату на чердакѣ, откуда мы уже не выходили четыре дня подрядъ, пока весь номеръ не былъ напечатанъ, пытаюсь за это время только сухимъ хлѣбомъ, колбасой и чаемъ...

Но зато номеръ „Пролетаріата“, отпечатанный въ 3-хъ тысячахъ экземпляровъ, — вышелъ на славу!

Феликсъ Конъ.

(Продолженіе въ слѣд. номеръ.)

А Д А М Ъ*).

Жандарма съ огненнымъ мечемъ
Съ небесъ ниспосылая,
Какое право ты имѣлъ
Изгнать меня изъ рая?

Я ухожу съ моей женой
Въ другія страны свѣта.
Плодовъ познанья я вкусилъ,
Отнять не сможешь это.

Отнять не сможешь: знаю я,
Какъ малъ ты и ничтоженъ,
Пугай насъ смертію и греми,
Ты намъ не страшенъ, Боже.

О Боже, жалко намъ твое
Consilium abeundi.
И это онъ—Magnificus,
И это—Lumen mundi.

И мы не станемъ тосковать
По раѣ, я и Ева.
Не можетъ въ истинномъ раю
Быть подъ запретомъ древо.

Свободы полной я хочу!
Поставивъ мнѣ границы,
Ты превратишь прекрасный рай
Въ кромѣшный адъ, въ темницу...

Перев. В. Житомірскій.

*) Въ русскомъ изданіи Г. Гейне по цензурнымъ условіямъ это стихотвореніе было искажено.

РОЖИЦЫНЪ. Изъ-за Гомера семь городовъ спорило — изъ-за Рожицына пять партій. Большевики зовутъ его „Валькой-Болтайкой“, эс-эры — „чертовой машинкой“, южно-крайцы — „Блюменталь-Тамаринымъ“, кадеты — совсѣмъ неприлично, а своя партія — предпочитаетъ молчать о немъ... Блестящій гастролеръ въ Циркѣ Муссури, кумиръ курсистокъ — готовыхъ драться за него на баррикадахъ, апостолъ объединенія партій отъ энесовъ до большевиковъ, дѣйствующій столь успѣшно, что одинъ его видъ приводитъ къ расколу... Но за всѣмъ тѣмъ истинный пролетарій, возведенный въ этотъ санъ акушерками и фельдшерами, избравшими его въ Совѣтъ Р. Д., неутомимый литераторъ, вгоняющій въ гробъ редакторовъ статьями, пропорціональными его огромному росту, апостолъ пролетарскаго искусства, ни для кого изъ смертныхъ не понятнаго. Интернационалистъ, приводящій въ ярость своихъ противниковъ бряцающимъ на его рукъ браслетомъ и добивающій ихъ длинными, монотоннымъ голосомъ произносимыми рѣчами. Специалистъ по всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ отраслямъ знанія.

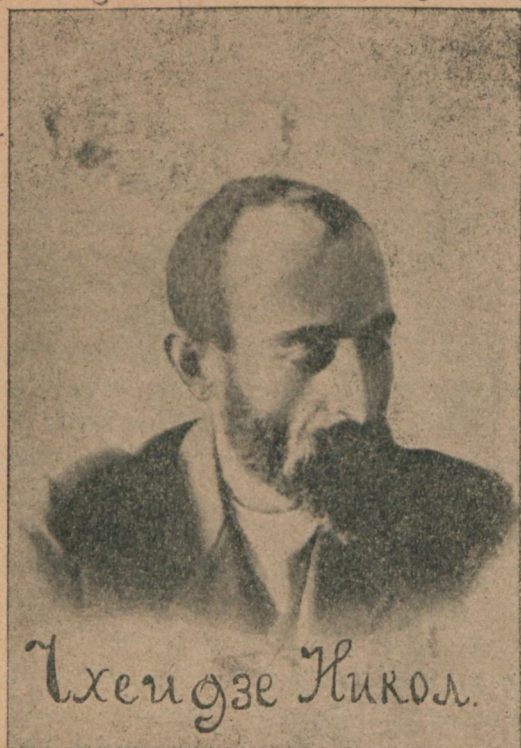
*) **ОТЪ РЕДАКЦИИ.** Портретъ Ингрида не могъ быть помѣщенъ по независимымъ ни отъ редакціи, ни отъ предварительной цензуры обстоятельствамъ. 25 мая 1918 года въ 2 часа 17 минутъ и 52 секунды дня по новому стилю въ помѣщеніе редакціи ворвался какой-то взволнованный и сильно шаржированный господинъ съ револьверомъ въ рукахъ. (5 удостовѣреній отъ всѣхъ правительствъ на право ношенія и употребленія оружія были имъ тутъ же представлены). Выкрикивая страшныя угрозы, онъ бросился на Ингрида. Перепуганный юноша обратился въ бѣгство. Господинъ погнался за нимъ, оглашая воздухъ проклятіями и выстрѣлами. Когда шумъ погони замеръ въ отдаленіи и редакція оправилась отъ потрясенія, были вызваны сыскные агенты и собака. Слѣды вели такъ далеко и были настолько запутаны, что несчастный песъ къ ночи издохъ отъ переутомленія и нервнаго напряженія. Ингридъ скрылся безслѣдно. Опасаясь повторенія этихъ ужасовъ, редакція отказывается печатать шаржъ на Ингрида, полагая, кромѣ того, что пустое мѣсто тоже можетъ до извѣстной степени дать ясное представленіе объ этой замѣчательной личности.

РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Предсѣдатель Исполнительнаго Комитета Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д. I-го созыва.

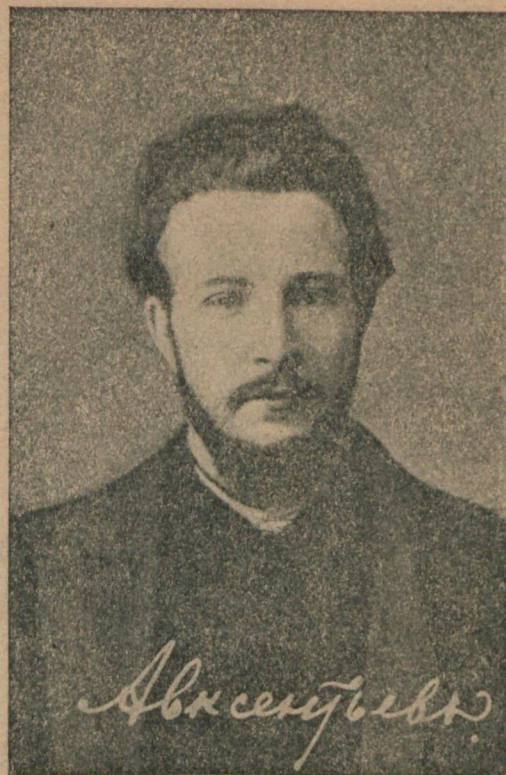
Предсѣдатель Временнаго Совѣта Россійской Республики.

Чхеидзе Никол.

СПРАВКА. ЧХЕИДЗЕ, Николай (Карль) Семеновъ, родился въ сел. Пути, Кутаисской губерніи въ 1863 году воспитывался въ Кутаисской гимназій, откуда вышелъ изъ VIII класса и поступилъ вольнослушателемъ въ Одесскій Университетъ, гдѣ слушалъ лекціи въ продолженіи цѣлаго года; въ 1889 году перешелъ въ Харьковскій Ветеринарный Институтъ, который покинулъ вслѣдствіе студенческихъ беспорядковъ. Проживая въ Батумѣ, Чхеидзе состоялъ гласнымъ Батумской Городской Управы съ 1898 по 1902 г. и смотрителемъ Батумской Городской Больницы съ 1902 по 1905 годъ; въ 1907 году былъ избранъ гласнымъ Тифлисской Городской Думы на основаніи опекунаго ценза, несмотря на то, что никакихъ опекунскихъ обязанностей фактически не несъ; сотрудничалъ въ цѣломъ рядѣ социал-демократическихъ газетъ. Избранъ въ члены Государственной Думы 3-го созыва, 14 октября 1907 года.

Въ 1906 году Чхеидзе (подъ именемъ Карла) привлекался при Кутаисскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи къ дознанію по дѣлу „о вооруженныхъ скопищахъ 28—30 ноября 1905 года въ зданіи Батумской Городской Управы“ и разыскивался циркуляромъ Департамента Полиціи отъ 23 августа 1906 года за № 6060 подъ именемъ Карла Семенова Чхеидзе. Дознаніе это было препровождено Прокурору Кутаисскаго Окружного Суда и по недостатку уликъ было прекращено въ отношеніи Чхеидзе. Подъ тѣмъ же именемъ Чхеидзе былъ привлеченъ при Кутаисскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи по дѣлу о „всеобщей забастовкѣ на Кавказской желѣзной дорогѣ 10-го декабря 1905 года“, каковое дѣло было прекращено Тифлисской Судебной Палатой 20-го января 1907 года. Кромѣ того, 30-го апрѣля 1907 года Чхеидзе, подъ именемъ Николая, былъ обысканъ и задержанъ при храненіи нелегальной литературы въ м. Чіатуры, Кутаисской губерніи, но производившаяся по этому случаю при томъ же Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи переписка, за недостаточностью уликъ, была прекращена въ порядкѣ 1035¹⁰ ст. Уст. Уг. Суд.

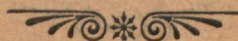

Авксентьевъ.

СПРАВКА. АВКСЕНТЬЕВЪ, Николай Дмитріевъ, родился 16-го ноября 1878 года въ гор. Пензѣ, дворянинъ, докторъ философіи. Въ бытность студентомъ московскаго университета, Авксентьевъ въ 1899 г. принималъ дѣятельное участіе въ студенческихъ беспорядкахъ и вошелъ въ число членовъ „Исполнительнаго Комитета“. Будучи уволенъ изъ университета, Авксентьевъ выѣхалъ за границу, гдѣ примкнулъ къ образовавшемуся тамъ кружку „соціалистовъ-революціонеровъ“ и содѣйствовалъ водворенію въ Россіи нелегальной литературы, снабжая отъѣзжающую туда учащуюся молодежь чемоданами съ двойнымъ дномъ, въ коихъ была задѣлана означенная литература. Въ виду сего, по прибытіи въ Россію, былъ привлеченъ въ 1902 году въ С.-Петербургѣ къ дознанію по обвиненію его въ преступленіи, предусмотренномъ 250 ст. ул. о нак. Означенное дознаніе за недостаткомъ уликъ прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій. Въ ноябрѣ 1902 года Авксентьевъ по паспорту, выданному С.-Петербургскимъ градоначальникомъ, выѣхалъ за границу. По приговору С.-Петербургской Судебной Палаты 19 октября 1906 года (дѣло о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ) въ числѣ 29 человекъ былъ присужденъ къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе съ послѣдствіями по 34 и 35 ст. ст. Уг. Улож. Будучи водворенъ въ с. Обдорскомъ, Авксентьевъ въ іюнѣ 1907 г. скрылся оттуда за границу. Въ іюлѣ 1908 года присутствовалъ на происходившемъ въ Лондонѣ съѣздѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Примѣты: 39-ти лѣтъ, роста 2 арш. 7 вершковъ, тѣло сложеніе среднее, волосы русые, глаза сѣрые средней величины, голова круглая, носъ прямой, родинка выше правой лопатки.

Женился въ 1906 году на Маріи Эмилиевнѣ Тумаркиной, еврейкѣ, дочери минскаго купца.

Были сумрачно-сѣры силуэтныя скалы.
Убѣгающій Терекъ неустанно звенѣлъ.
И надвинулся вечеръ тихокрыло-усталый
И въ Дарьяльскомъ ущельи среди скалъ потемнѣлъ.

Обезсиленный вечеръ былъ не принять Дарьяломъ
И безмолвно онъ плавалъ среди каменныхъ стѣнъ.
И раздавленный Терекъ, разбиваясь о скалы,
Неумолчно бросался, разрывая свой плѣнъ.

Дэвайонъ.

ВЕЛИКОЕ ОТРИЦАНІЕ.

О романѣ Андрея Бѣлаго „Петербургъ“.

Жалобы на оскуденіе русской литературы раздавались, кажется, во все время ея существованія. „И Пушкинъ сталъ намъ скученъ... И стихъ его не звученъ...“—встрѣчаемъ мы на страницахъ журналовъ 30 г.г. Тѣ же жалобы и скорби раздаются и нынѣ,—столь часто, столь общераспыленно, что и сослаться на ихъ центральный источникъ—трудно. Но у насъ есть *Мелкій Бѣсъ* Сологуба,—романъ, по широтѣ и глубинѣ своей, по обилію и размаху значительно болѣе богатый, чѣмъ *Герой нашего времени* и едва ли уступающій ему въ художественности.

Нынѣ же другой обелискъ воздвигнуть,—гигантскій, изощренный, прекрасный, грузнымъ упоромъ своимъ давящій мертвице и вершину полагающій въ лазури и золотѣ солнечныхъ высей, „Петербургъ“ Андрея Бѣлаго.

Петербургъ—вторая часть большой трилогіи *Востокъ или Западъ?*, въ коей должны, по замыслу автора, быть раскрыты историческіе пути и судьбы Россіи и всего міра, поскольку таковыя послѣдняго отпечатлѣваются въ жизни нашей страны.

Ассимилируя обставшія ее финскія племена, неся ярмо татарскаго владычества, Россія впитала въ себя обиліе чуждыхъ ей изначала этнографическихъ элементовъ. Вбирая начала западной цивилизаціи, направляя свое государственное бытіе по пути, Петромъ предначертанному, Россія, по крайней мѣрѣ, на верхахъ соприкоснулась съ инородными стихіями, и онѣ еще измѣнили ея лицо. Тѣмъ не менѣе осталась гдѣ то въ глубинахъ ея старая народная душа, сохранилось дыханіе чернаго земляного бога. Россія „внутряная“, царство этого бога—вотъ мѣсто дѣйствія, вотъ сфера коллизій романа *Серебряный Голубь*. Центральное лицо этого романа, поэтъ Дарьяльскій, вскормленникъ изощренной и декадентной столичной культуры, отправляется искать новыхъ жизненныхъ токовъ во глубь Россіи,—подобно историческому Александру Добролюбову, другу и соратнику Мережковского и Зинаиды Гиппіусъ въ 90 г.г., ушедшему странникомъ и нынѣ скитающемуся съ котомкой и въ лаптяхъ гдѣ-то въ Поволжьи. Русь, встрѣчающая Дарьяльскаго, обдаетъ его атмосферой безразумныхъ стремлений, окутываетъ горячимъ дыханіемъ экстатическихъ хлыстовскихъ радѣній, душитъ своей тяжелой, чувственной кровавой мистикой. Русь самобытная, непосредственная глубинная народная стихія—губительны. И ей говоритъ Андрей Бѣлый этимъ своимъ романомъ рѣшительное Нѣтъ!

Въ романѣ *Петербургъ* дается разрѣшеніе вопроса: что есть Русь, вобравшая въ себя иноземныя вліянія, что есть Россія.

Если татарщина и голландщина (Петръ Великій, Сардамъ) были важнѣйшими факторами измѣненій лика Россіи, то мы должны столкнуться съ лицами, носящими въ себѣ обѣ стихіи. Съ другой стороны, если послѣпетровская Россія есть государство бюрократическое, и государственная жизнь протекаетъ въ рамкахъ „предначертаній“,—централизована, затянута въ мундиръ,—то въ противовѣсъ ей должна возникнуть (и исторически возникла) стихія революціи. И, нако-

нецъ, если дѣйствующія лица романа и основная его драма выявляютъ эти стихіи,—это общее, то должны мы встрѣтиться и съ разрѣзомъ ихъ въ планѣ индивидуальнаго бытія, въ планѣ повседневныхъ жизненныхъ свершеній. Эти основныя развѣтвленія общей схемы въ романѣ и осуществляются.

Мы встрѣчаемся прежде всего съ Аполлономъ Аполлоновичемъ Аблеуховымъ, престарѣлымъ сенаторомъ, занимающимъ высокій „постъ“. Происходитъ онъ изъ древняго киргизъ-кайсацкаго (монгольскаго!) рода Абъ-Лай-Уховыхъ. Съ одной стороны онъ „отличается поступками доблести: не одна звѣзда упала на его раззолоченную грудь и даже, даже Бѣлый Орелъ“. Съ другой стороны этотъ крошечный старичекъ, въ обликѣ котораго много чертъ историческаго Побѣдоносцева,—душевно больной человекъ, головастикъ, съ гипертрофированнымъ логическимъ аппаратомъ и ущербленной, исполненной неожиданностей и выкрутасовъ психикой. Онъ боится пространства. Онъ хорошо чувствуетъ себя лишь въ своей каретѣ, въ центрѣ „совершеннаго атласнаго куба“, преодолюющаго безконечность петербургскихъ проспектовъ. Его любимое занятіе: разсмагиваніе учебника геометріи, гдѣ онъ упивается гармоническими формами квадратовъ и кубовъ; усѣченный же конусъ повергаетъ его въ тоскливое недоумѣніе, а зигзагообразной линіи онъ не выноситъ. Его родная стихія—регламентация всего. Такъ, его шифоньерка номенклатирована по полочкамъ: а, б, с; а четыре стороны каждой полочки поименованы странами свѣта. Онъ душитъ Россію занумерованными циркулярами. Но въ часы предсонной дремоты передъ нимъ развертывается постоянно забываемый съ пробужденіемъ міръ странныхъ свѣтовъ, звѣздъ, огненныхъ крутней, въ безтолочи которыхъ мечется его духъ.

Его антиподъ—знаменитый террористъ Александръ Ивановичъ Дудкинъ, вынужденный скрываться въ убогой чердачной комнаткѣ, проводить дни въ ужасномъ одиночествѣ, мучимый лихорадочными бредами, запойными изступленіями, дикими страхами. Такъ, его грызетъ смутное воспоминаніе о какомъ то гнусномъ не то словѣ, не то поступкѣ, когда то ему сказанномъ или надъ нимъ совершенномъ, символомъ котораго является нелѣпое бредовое слово, вѣчно танцующее въ его больномъ мозгу: *енфраншишъ*. Въ бѣлогорячечномъ бреду ему видится его недавній знакомецъ, персъ (Востокъ!) Шишнарфне, который гвоздитъ его такую рѣчью: „Петербургъ лишь точка касанія земли къ шаровой поверхности гигантскаго Космоса, окно въ четвертое измѣреніе. А тамъ все течетъ въ обратномъ порядкѣ. Простой русскій, Ивановъ, тамъ будетъ японцемъ (монголъ!), Вонави (читай справа налѣво)“. И имя этого перса, толкающаго Дудкина на дикій „поступочекъ“, прочтенное справа налѣво, и даетъ то безумное слово его кошмаровъ: *енфраншишъ*.

Центральнымъ звеномъ, двустороннимъ началомъ, является сынъ Аполлона Аполлоновича—Николай Аполлоновичъ Аблеуховъ. Съ одной стороны—онъ чувственно со-

вершено равенъ отцу. Они читають въ мысляхъ другъ у друга. А такъ какъ психика обоихъ—хаотична, то, бывая вмѣстѣ, они являютъ собою подобіе двухъ обращенныхъ другъ къ другу безднъ. „Изъ бездны въ бездну тянетъ непріятный сквознячекъ“. Такъ (Николай Аполлоновичъ отца ненавидитъ), когда Аполлонъ Аполлоновичъ роняетъ въ присутствіи сына карандашъ, и оба бросаются его поднимать, Николай Аполлоновичъ невзначай прикасается къ теплой пульсирующей шеѣ отца. Тотъ, въ ужасѣ, бросается въ сторону. Почему? Николаю Аполлоновичу въ этотъ моментъ представилось „одно скверное дѣйствіе негодяя надъ негодяемъ: молодой бросился съ ножницами для ногтей простригать сонную артерію поганого старикашки“. И эта дикая мысль передалась отцу. Николай Аполлоновичъ входитъ въ сношенія съ террористами и даетъ обѣщаніе содѣйствовать выполнению надъ сенаторомъ террористическаго акта. Дудкинъ приноситъ ему бомбу. Въ этомъ дѣйственная завязь фабулы романа.

Еще Владиміръ Соловьевъ вопрошалъ Россію въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

Какимъ же хочешь быть Востокомъ?

Востокомъ Ксеркса или Христа?

Для Андрея Бѣлаго такого противоположенія не существуетъ. Для него явственно тождество между крайнимъ Востокомъ и крайнимъ Западомъ. Крупнѣйшимъ выразителемъ перваго для него является Конфуцій, съ его прямолинейными схемами, съ его рационалистической нравственностью, съ его духомъ регламентаціи, послѣдовательности, умѣренности и аккуратности, съ его крайнимъ логизмомъ. И его отраженіемъ на Западѣ является Иммануилъ Кантъ, втиснувшій живое колыханіе міра въ рамки двѣнадцати разсудочныхъ категорій, Кантъ, чьи послѣдователи—неокаптіанцы современности—совершенно омертвили, ораціонализили жизнь:

Ужъ годъ таскается со мной
Повсюду марбургскій философъ...
...„Жизнь“,—шепчетъ онъ, остановясь
Средь зеленѣющихъ могилокъ,—
„Метафизическая связь
Трансцендентальныхъ предпосылокъ“.

Николай Аполлоновичъ—кантіанецъ. Онъ исполненъ, подобно отцу, духомъ мертвеннаго схематизма. Онъ пишетъ философскій трактатъ съ тезисами вродѣ: „цѣнность, понятая, какъ никто и ничто“, „доказательство, что и Кантъ былъ туранецъ“. И Николай Аполлоновичъ по крови—самъ туранецъ, монголъ, и въ немъ находитъ свое воплощеніе рационалистическая мертвечина Востока и Запада.

Монголъ Аполлонъ Аполлоновичъ, направляющій жизнь Россіи, какъ государственнаго цѣлаго, несетъ въ себѣ ядъ западнаго схематизма. Его дѣятельность для Россіи губительна. Чисто исторически: бюрократія, казенщина, казарма и полосатая будка сгубили Россію. Монголъ Николай Аполлоновичъ, духовный двойникъ отца, является тою же мертвенной силой.

Петербургъ! Праздная мозговая игра. Роковой городъ, самый умышленный, самый искусственный, по слову Достоевскаго, изъ всѣхъ городовъ.

Двѣсти лѣтъ гніенія, двѣсти лѣтъ вліянія дегенерирующихъ факторовъ—климата, почвы, государственности—на многіе милліоны людей,—это поистинѣ рисуетъ Петербургъ губительнымъ.

Смертоносное принесъ Петръ, и не прилетѣлъ ли съ нимъ Летучій Голландецъ, оттуда, съ мрачныхъ и дождливыхъ отмелей Зеландіи, Голландецъ, столь сильно и мрачно описанный нидерландскимъ поэтомъ Куперусомъ.

Да,—говоритъ намъ Андрей Бѣлый. Въ тѣ или другіе моменты дѣйствія романа появляется фигура гиганта въ тяжеломъ кафтанѣ и ботфортахъ, сопровождаемого коренастымъ голландцемъ. И фраза его: „Это я; я гублю безъ возврата“,—слышится всѣмъ героямъ Петербурга. Дудкинъ въ горячечномъ пароксизмѣ слышитъ отдаленное дзаканье, точно удары молота, дробящаго жизни. Оно все ближе. Грохочетъ по лѣстницѣ. И въ разсѣвшуюся дверь чердачка вваливается мѣдная, позеленѣвшая многосотпудовая громада: Мѣдный Всадникъ. И Дудкинъ понимаетъ, что повторяется судьба Евгенія, онъ, Дудкинъ,—тотъ же Евгеній, въѣхавъ въѣдомъ, періодъ за періодомъ пробѣгавшій по Петербургскимъ просторамъ. А Мѣдный Всадникъ, весь раскалившись тысячеградуснымъ жаромъ, весь побѣлѣлъ, расплавился, и металломъ протекъ въ жилы Дудкина; въ совершенномъ бреду трепеталъ Дудкинъ въ его грузномъ объятіи. И Николай Аполлоновичъ видитъ Мѣднаго Всадника, грозящаго ему; и другія дѣйствующія лица романа. Губительный Петербургъ, градъ Петра, всѣхъ гнететъ своей омерщвляющей природой. И ополчается самъ на себя.

Въ Россіи революція. Циркулируютъ браунингъ и бомба. Неурожай. Внѣшнія осложненія. Слышенъ топотъ всадниковъ Чингизъ-Хана. Уже проволновался Китай и палъ Портъ-Артуръ. Желтыя воды Цусимскаго пролива погребли морскую мощь Россіи. Россія Запада убиваетъ сама себя. И сами себя убиваютъ дѣйствующія лица *Петербурга*. Николай Аполлоновичъ запутывается въ сѣтяхъ, разставленныхъ вокругъ него провокаторомъ Липпанченко,—сколкомъ съ Азефа. Подвергнувшись психологической пыткѣ, подобной пыткѣ Раскольникова Порфиріемъ, онъ ставится лицомъ къ лицу съ диллемой: убійство отца, или самоубійство. Почти машинально, разсматривая хранящуюся у него адскую машину, онъ заводитъ ее.

И въ потрясеніяхъ потерявшей координацію психики своей, испытывая гнусное предметное отвращеніе къ ожившей и застрекотавшей жестянкѣ, чувствуя, какъ будто онъ ее *проглотилъ*, онъ погружается въ тяжелое бредовое состояніе. Онъ понимаетъ, что онъ—старая туранская бомба, которая должна взорваться и расплюснуть весь міръ въ кровавую мякоть, онъ чувствуетъ, какъ въ крови его дышитъ пламенемъ древній и злобный Драконъ. Ему является его родоначальникъ, монголъ, Чингизъ-Ханъ или Аттила, и требуетъ отчета въ исполненіи „монгольскаго дѣла“. Николай Аполлоновичъ предлагаетъ ему тетради, въ коихъ записывалъ онъ положенія своей метафизики. Но Монголъ недоволенъ. „Задача не понята“, говоритъ онъ: „Вмѣсто Канта долженъ быть Проспектъ; вмѣсто Цѣнности—Нумерація; вмѣсто общественнаго строя—циркуляція гражданъ Проспекта, прямолинейная, равномерная; вмѣсто разрушенія Европы (Запада!)—ея неизмѣнность. Вотъ какое монгольское дѣло“.

Въ дальнѣйшихъ перипетіяхъ романа, затерявшаяся адская машина безвредно варывается, но взрывъ этотъ довершаетъ распадъ Аблеуховской семьи. Николай Аполлоновичъ усылается за границу. Дудкинъ убиваетъ Липпанченко, кончивъ полнымъ безуміемъ. Такимъ образомъ, исконное западо-восточное разложенье сдѣлало свое дѣло.

Прежде всего, это—политическій романъ. Въ одной изъ сценъ его мы видимъ расположившуюся въ пріемномъ залѣ императорскаго дворца шеренгу блистательныхъ старцевъ, въ лентахъ и орденахъ,—„ось нашего государственнаго колеса“, порядочно порастрашеннаго по ухабамъ и колдобинамъ бездорожья. Центральная фигура шеренги—нашъ Аполлонъ Аполлоновичъ, съ его каменными сенаторскими глазами, съ его „системой мудрѣйшихъ запретовъ“, съ его психической болѣзнью. Это—возникшій Россіи. И куда онъ поведетъ, повезетъ ее? Если, по слову Некрасова, тамъ, во

глубинѣ Россіи—вѣковая тишина, то здѣсь, въ столицѣ—„блескъ и трепетъ“, мишура лентъ и орденовскихъ знаковъ, и десятки лѣтъ въ подъѣздѣ „Учрежденія“ одно и то же восьмидесятилѣтнее плечо швейцара. Здѣсь „вставалъ на тронъ Николай. И вставали на тронъ Александры“. И снова Николай. Но все было попрежнему, все обрѣталось въ каталептическомъ снѣ. А общество? Съ одной стороны это „многоножка“, безформенная, бездушная, безликая, безличная,—съ другой—мы видимъ это общество на одномъ балу въ одномъ пріятнѣйшемъ домѣ, хозяинъ котораго танцевалъ всю жизнь и теперь дотанцовываетъ самъ себя. Здѣсь мы видимъ редактора черносотенной газеты, несущаго ахинею о жидомасонствѣ и антипанѣ, и внемлющихъ ему благоговѣнно дамъ. Здѣсь либеральный профессоръ, на всѣхъ банкетахъ поднимающій бокалъ „навстрѣчу веснѣ“, пьющій за „незнакомку“—конституцію, пришедшій искать путей сближенія съ правительствомъ въ лицѣ Аполлона Аполлоновича, ибо революція ужъ черезчуръ размахнулась.

За предѣлами же этого раззолоченнаго зала—Дудкинъ, деклассированный дворянинъ, съ отзвуками стараго дворянскаго же міропріятія, съ душой, на много частей разо-

рванной рефлексіей и любострастіемъ, терроризмомъ и богоскательствомъ. Съ нимъ—Липпанченко, „неприличное пауковое брюхо“, провокаторъ, съ „жалкимъ узенькимъ лбомъ“. Здѣсь же курсистка-революционерка Варвара Николаевна, прямолинейная и ограниченная, собирающаяся предложить Аблеухову-сыну гражданскій бракъ, по выполненіи имъ террористическаго акта, неряшливая тѣлесно и духовно.

Все это—граждане Проспекта, все это—безличная чело-вѣчья икра, лишенная личности, лишенная—въ отдѣльных икринкахъ—гармоніи. Это—мертвые души современности, продукты общественнаго гніенія.

По изощренности языка романъ Бѣлаго не имѣетъ равнаго себѣ во всей русской литературѣ. Онъ весь написанъ ритмической прозой, которую Гоголь примѣнялъ лишь изрѣдка, въ лучшихъ своихъ описаніяхъ и лирическихъ отступленіяхъ.

Замѣчательна его композиція: сложное и запутанное дѣйствіе развивается и заканчивается въ теченіе трехъ дней, причемъ узлы этого дѣйствія неотразимо отпечатлѣваются въ сознаніи читателя,—такъ скрещиваются отдѣльныя нити его.

Ю. Омичъ.

Къ истекшему сезону Городского Драматическаго Театра.

г. Путьа
въ „Ивановъ“—А. П. Чехова.

г. Тархановъ
въ „Ревизоръ“—Н. В. Гоголя.

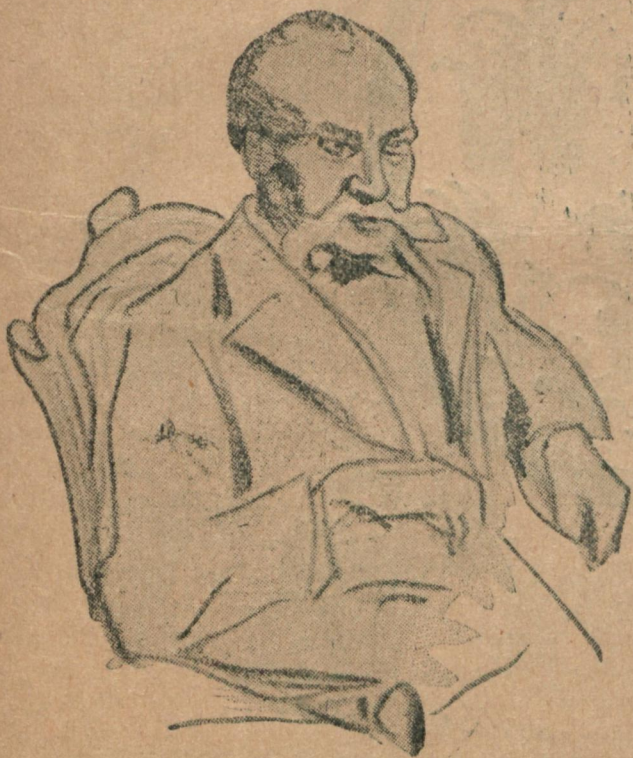

Рис. Козлова.

Рис. Козлова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированн. литературно-художественн. ежемѣс.

издаваемый при участіи Союза Интернаціоналистовъ Дѣят. Искусства.

Въ журналѣ „КОЛОСЬЯ“ печатаются „ВОСПОМИНАНІЯ“ Феликса КОНА, которыя выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ издат. „Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ „РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій, характеризующія въ біографіяхъ и портретахъ дѣятелей современной Россіи, а также наиболѣе интересные циркуляры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Подписная цѣна—3 руб. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 руб. Цѣна отдѣльнаго номера—75 коп.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл., № 23, домъ Городской Управы.

Пріемъ объявленій въ конторѣ: цѣна 3 р. за строку петита до текста и 2 р. послѣ текста.

Секретарь принимаетъ отъ 6 до 8 час. вечера.

Редакторы: Ф. Конъ и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Редакторы: Ф. Конъ и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

„КОЛОСЬЯ“

Цѣна 75 коп.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ